

OLEG RUMYANTSEV, OLHA TULUZAKOVA

Hate speech в российских средствах массовой информации на современном этапе

Hate speech in the Russian mass-media at the present stage

Abstract. It is beyond dispute that Russian aggression against Ukraine is also discernible at the linguistic level. In the context of military operations, any state engaged in aggressive behaviour will seek to disseminate propaganda that expresses hatred towards the target state. In the aforementioned case, it employs a moderate form of this type of discourse at the official level. Concurrently, a society that is prepared to disseminate hate speech reproduces in other forms. This article presents a comprehensive evaluation of the manifestation of hatred in Russian state media, with a detailed examination of this phenomenon in the comments of ordinary users. The content of these comments is entirely consistent with the key tenets of Russian propaganda, which have long held a prominent position in the country's information landscape. The objective of this study is to identify the primary thematic domains and linguistic techniques employed in hate speech in Russian media, with illustrative examples provided.

Keywords: hate speech, media, Russia, Ukraine, war

Oleg Rumyantsev, University of Palermo, Palermo – Italy, oleg.rumyantsev@unipa.it, <https://orcid.org/0000-0002-1348-8645>

Olha Tuluzakova, University of Palermo, Palermo – Italy, olha.tuluzakova@unipa.it, <https://orcid.org/0000-0002-4531-6936>

Предисловие

Российское общество готовили к войне с Украиной задолго до событий 2014 года, не говоря уже о полномасштабном вторжении в Украину в 2022 году. Достаточно упомянуть о первых попытках осуждения решения Никиты Хрущева о передаче Крыма УССР в российском парламенте уже в 1992 году (Караїсєв 98). О присутствии в российском правительстве элементов, которые можно охарактеризовать как склонные к фашизму или нацизму, исследователи писали уже при правлении Бориса Ельцина (Gregor).

Российская экспансия может быть завуалирована культурным движением в стране и за ее пределами (Masiênko et al., электронный ресурс). Призывы ведущих российских пропагандистов к „денацификации” Украины активно звучали после оккупации Крыма (Gasparân). Развлекательный контент на российском телевидении, в котором звучит ностальгия по СССР, как непобедимому государству, производство художественных фильмов, где воспеваются борьба российского народа с врагами, рекомендованные властью компьютерные программы, в которых детям и подросткам предлагается „поиграть” в войну (Kumanev, электронный ресурс), создание детских „военных” организаций (MacFarquhar, Mazaeva, электронный ресурс), создание товаров широкого потребления с унижительными для других наций названиями (см. „Ванаровуј «Ногол»...”, электронный ресурс) – все должно было быть подчинено идеологии „великой страны” и „господствующей (над другими народами) нации”.

Данный подход к подаче информации сформировал у российского потребителя позитивное отношение к агрессии против других стран в целом, создал иллюзию превосходства в силе, укрепил идею возможности начала военных действий на территории других государств. В случае с Украиной целью войны (в российском политическом дискурсе – „специальной военной операции”) стало мнимое освобождение русскоязычного народа Донбасса от якобы киевского преступного режима, который будто бы уничтожал инакомыслящее население Украины. Тезис о „нацистском режиме” в Украине органично вписался в постоянно подпитываемую ненависть к нацизму во время Второй мировой войны. Данная параллель предопределила позитивную рецепцию преступных действий российского государства против Украины, позволила широким массам россиян чувствовать себя теми же победителями, какими отобразены представители старшего поколения, воевавшие во время Второй мировой войны. Согласно данной схеме и вопреки реальному положению дел, украинцы на данном этапе воспринимаются средним российским потребителем как преступники, даже захватчики, борьба с которыми крайне необходима для жизнедеятельности российского государства.

Понятие *hate speech*

В данный момент нет единого устоявшегося определения понятия *hate speech*. В Рекомендациях Комитета министров Совета Европы предлагается следующая трактовка:

[T]he term „hate speech” shall be understood as covering all forms of expression which spread, incite, promote or justify racial hatred, xenophobia, anti-Semitism or other forms of hatred based on intolerance, including: intolerance expressed by aggressive nationalism and ethnocentrism, discrimination and hostility against minorities, migrants and people of immigrant origin („Recommendation No. R (97)...”, электронный ресурс).

Ученые, исследующие понятие *hate speech*, рассматривают данный тип дискурса на лингвистической основе и определяют термин так: „языковое выражение интолерантности, или лингвистически выраженная нетолерантность” (Korobkova 201);

лингвистические средства выражения резко негативного отношения к любым явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями других, противоположных автору, духовным ценностям (Denisova 56).

Исследовательница Анна Евстафьева утверждает, что понятие „язык вражды” имеет два обязательных компонента: отрицательное значение выражения и обязательную адресацию, отрицательная информация в которых может быть представлена как в открытой, так и в завуалированных формах (Evstaf'eva 4).

Важно отметить, что во всех определениях прямо или косвенно указано, что *hate speech* нарушает права человека. Так, Тоби Мендель в статье *Hate Speech Rules Under International Law* отмечает, что борьба с языком ненависти основывается на принципе равенства, как одного из основных прав человека, а также на предотвращении любых форм дискриминации (Mendel, электронный ресурс).

Определение данного понятия может включать описание последствий акта *hate speech*. Так, Ольга Горбачева указывает, что данное понятие употребляется для

обозначения любого публичного „языкового” акта, прямо или косвенно основанного на ксенофобии, которая, в свою очередь, видоизменяет и искажает социальные отношения, служит причиной агрессии, насилия, вражды и конфликтов по принципу национального, религиозного, социального или иного различия, является мощным деструктивным и дестабилизирующим фактором в развитии современного мирового сообщества (Горбачева 36).

Исследователи также пишут об объеме данного понятия. Так, некоторые из них выделяют жесткий, средний и мягкий *hate speech*. Особо интересной, на наш взгляд, является классификация, предлагаемая украинским центром „Сова”, согласно которой проявления данного типа дискурса могут быть распределены по следующим уровням:

- Жестокое проявление языка вражды – призывы к насилию (относительно определенной группы), призывы к дискриминации, завуалированные призывы к насилию и дискриминации, призывы не дать (определенной группе) закрепиться в регионе.
- Среднее проявление языка вражды – оправдание имевших место случаев насилия и дискриминации; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы как таковой; утверждения о преступности той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы; размышления о непропорциональном превосходстве той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы; обвинение той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы в негативном влиянии на общество, государство; обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии; отрицание определенного гражданства.
- Мягкое проявление языка вражды – создание негативного имиджа этнической, религиозной или определенной социальной группы; утверждения о неполноценности той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы как таковой; утверждения о моральных недостатках той или иной этнической, религиозной или определенной социальной группы; упоминание этнической, религиозной или определенной социальной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте; цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария.

***Hate speech* в контексте государственной пропаганды**

Если же говорить о наличии *hate speech* во время войны в рамках государственной пропаганды, то, как утверждают исследователи, в рамках данного дискурса „the State’s attempt to shape both a negative image of the enemy and a positive image of itself” (Valenti, электронный ресурс). Различают „cold” *hate speech*, присущий успешной для агрессора фазе военной операции, в рамках которого объясняется и оправдывается необходимость агрессии, и „hot” *hate speech*, присущий фазе, в которой агрессор подвержен контратаке защищающейся стороны и пытается повысить в контролируемом обществе уровень ненависти к противнику (Beck, Pretzer). В рассматриваемом нами случае, согласно российской пропаганде, в контексте

нынешней российско-украинской войны уничтожение гражданского населения подается со стороны российских официальных СМИ как якобы „destroying the military objects and facilities”, „disabling infrastructure” и т. п. (Valenti, электронный ресурс).

В контексте российской военной агрессии против Украины наиболее жесткие примеры языка ненависти имели место в начальной ее фазе, при оккупации Крыма и отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины. Формирование сознания российской аудитории, а также влияние на украинскую русскоязычную аудиторию, происходило посредством распространения *hate speech* в адрес украинцев через онлайн-издания и социальные сети. Как пример возьмем публикацию Крымской правозащитной группы (далее – КПГ), чьи исследователи проанализировали русскоязычные онлайн-издания, писавшие о Крыме с декабря 2020-го и до конца мая 2021 года. По словам исследователей, ненависть постоянно подпитывалась пропагандой, в которой активно использовался *hate speech*. Авторы публикаций использовали ненормативную лексику, прибегали к прямым оскорблениям украинцев, дегуманизации („это не люди, а животные” и под.), демонстрировали неуважение к другим национальным группам. Сознательно поляризовалось общество, посредством разделения украинцев на „хороших-своих” и „плохих-чужих”; к последним отнесены жители Западной Украины, украиноязычные граждане страны, люди с активной гражданской позицией, сторонники Революции достоинства (укр. *Революції гідності*). Наблюдались отрицание государственного суверенитета Украины, попытки донести идею об Украине как якобы искусственном государственном образовании, об украинском языке как о якобы диалекте русского и т. п. Были выявлены призывы к насилию. Исследователи КПГ убеждены, что данные призывы имели одну цель: информационно подготовить аудиторию к военным преступлениям, к геноциду украинского народа (Нуш, электронный ресурс).

Необходимо отметить факт влияния российской государственной пропаганды на СМИ в европейских странах. В частности, в Италии исследователи Центра социальных наук и стратегических исследований Istituto Gino Germani выявили огромное количество случаев репродуцирования многочисленных элементов дезинформации в итальянском медиaprостранстве. В результате распространения российской пропаганды 21% итальянских граждан не возлагает на Россию ответственность за начало военных действий, а 34% против поставок вооружений Украине. Дезинформация, как утверждают исследователи, распространяется сознательно, несознательно или согласно личным убеждениям (итал. „consapevolmente, inconsapevolmente, o mossi da autentica convinzione”) (Di Pasquale, Germani 41).

Hate speech в российских СМИ на данном этапе

Анализируя российские публикации таких СМИ, как „РИА новости” и „Известия” за последний период, можем констатировать, что на уже сформированное в предыдущий период общественное мнение можно оказывать влияние опосредованно, т. е. через стилистику контента, через его поляризацию, при помощи оппозиции „свой-хороший” (русский) – „чужой-плохой” (украинец) и т. п. Общая подача, казалось бы, нейтральной информации на проанализированных нами сайтах российских СМИ демонстрирует четкую позицию власти страны-агрессора относительно войны в Украине. Так, в новостях часто встречаются публикации о непобедимости российской армии, о мудром правлении президента, о превосходстве страны в разных сферах. Унижение одной стороны и демонстрация гипертрофированных достоинств другой формирует оппозицию, при которой позитивные и негативные характеристики воспринимаются реципиентом наиболее остро.

Приведем некоторые примеры. В заголовке публикации „Самая сильная армия в мире?”: *западное СМИ поставило ВС РФ на первое место рейтинга* (Veres, Krasnobaev, электронный ресурс) представлена четкая характеристика российской армии со ссылкой на американское издание; в лиде продемонстрирована оппозиция „российская армия – украинская армия” (по принципу „сильная – слабая”): „Американское издание US News & World Report назвало российскую армию самой сильной в мире. РФ удалось обогнать США, а Украина расположилась на восьмом месте” (Veres, Krasnobaev, электронный ресурс). Необходимо отметить грамотный расчет на аудиторию: статья достаточно большая, размещена под рубрикой „аналитика”. Зная, что обычный читатель не тратит много времени на чтение и, в большинстве случаев, прочитывает лишь заголовок, лид и, в лучшем случае, заключение, авторы создают позитивный имидж российской армии через уменьшение достоинств украинской армии именно в тех частях статьи, на которые читатели обращают внимание. В основной части публикации Украина упоминается в одном предложении: „Украина в этом списке находится на 18-м месте, а Израиль – строчкой выше” (Veres, Krasnobaev, электронный ресурс). Между тем статья заканчивается словами: „Свою роль сыграло еще и то, что около года-двух назад на Западе был определенный скепсис по отношению к российским вооруженным силам. Сейчас настроения меняются, и это видно. Тенденция показывает, что российская армия добивается своих целей в рамках СВО” (Veres, Krasnobaev, электронный ресурс).

Очередная публикация намерена продемонстрировать нехватку оружия и боеприпасов в Украине и, соответственно, отсутствие положительных

перспектив: „За 32 месяца, прошедшие с тех пор, как расширился конфликт на Украине, союзники Киева предоставили около 900 танков и 1400 боевых машин, а также тысячи легких бронетранспортеров и бронированных грузовиков. Но украинцы потеряли почти столько же бронетехники, сколько получили от своих союзников: 900 танков и 1400 боевых машин”. Важно отметить, что подобные новости зачастую идут с отсылкой именно к западным источникам: „Вооруженные силы Украины потеряли почти столько же техники, сколько получили от Запада, пишет военный обозреватель Дэвид Экс в статье для Forbes” („SMI rasskazali, što...”, электронный ресурс).

Для российских СМИ характерны статьи, в которых заведомо искривленным образом сравниваются президенты двух стран. Например, в публикации *СМИ рассказали, чем обернулось достижение главной цели Зеленского* читаем „цитату” из немецкого издания „Welt”: „На сегодняшний день у Киева нет реальных возможностей вернуться на позиции силы и полностью отвоевать занятые Россией территории. Тем не менее именно восстановление территориальной целостности является декларируемой целью Владимира Зеленского. Если исходить из этой цели, то при нынешнем положении дел Украина проиграет военные действия, а президент России Владимир Путин победит в них” („SMI rasskazali...”, электронный ресурс). Как и в предыдущих случаях, публикации со ссылкой именно на западные источники создают у читателя иллюзию, что в мире поддерживают позицию российского правительства.

Президента Украины называют „главой киевского режима”, подразумеваемая уже укрепившееся в сознании российского обывателя значение „хунта” („киевская хунта”), „террористы” и проч.: „Ранее глава киевского режима резко высказался в адрес ООН в день этой организации на фоне визита ее генсека в Казань на саммит БРИКС” („V Rade rezko...”, электронный ресурс). „Пресечены очередные попытки киевского режима совершить террористические атаки с применением БПЛА самолетного типа по объектам на территории Российской Федерации” („Nad Lipeckom sbili...”, электронный ресурс).

На сайтах российских СМИ присутствует значительное количество публикаций, поощряющих россиян вступать в ряды воюющих в Украине вооруженных сил: зачастую это публикации о больших денежных выплатах („Človek s ruž'em...”, электронный ресурс; „SVO protiv VPK...”, электронный ресурс).

Для российских СМИ характерны статьи, где в стилистике текста используется разговорная речь со сниженной коннотацией в целях выражения пренебрежительного отношения к Украине, ее президенту, президенту США и т. п., например: *Рамштайн без США: Зеленского поставили на*

паузу. Ураган во Флориде выносит Украину из мировой повестки. В лиде публикации представлена следующая информация: „Две громкие отмены – визита президента Джо Байдена в ФРГ на встречу глав западных государств в формате «Рамштайн» и многократно анонсировавшегося Киевском саммита мира – 2 – подтверждают версию консервации Западом «украинской проблемы» до окончания выборов в США» („Ramštajn bez SŠA...”, электронный ресурс).

Сформировав общее негативное отношение к Украине, президенту страны и украинской армии, язык российских СМИ на данном этапе, как подтверждают рассмотренные источники, сохраняет иллюзию нейтральной подачи информации. Иными словами, язык вражды воспроизводится в официальных изданиях завуалировано („cold” *hate speech*), однако он четко отражается в его ярко выраженной („горячей”) форме в комментариях к подобным публикациям.

***Hate speech* в комментариях к публикациям российских СМИ**

Основной задачей анализа комментариев пользователей к публикациям российских СМИ было создание тематических групп, по которым могут быть распределены элементы дискурса *hate speech*. Данная задача поставила нас перед рядом проблем, которые затруднили поиск систематичности в данном исследовании.

Одна из основных трудностей касается отсутствия терминологической базы данных, исходя из которой можно определить *hate speech* в русском языке. Так, одно из основных лексикологических хранилищ языка вражды Hatebase предлагает лишь 19 русскоязычных терминов, по которым можно выявить *hate speech*. Среди них прямое отношение к украинскому контексту имеют: „khakhly (plural of khokhol)”, „khokhly (plural of khokhol)”, „khokhol”, „khokhols (plural of khokhol)”; могут указывать на украинский контекст: „fashisty”, „Natzisty”, „shahktor”, „shahktyer”. Высокий уровень распространенности первой группы терминов в комментариях, содержащих выражение ненависти, не позволяет установить приемлемые рамки для нашего исследования.

Работая с определением способа выражения ненависти, мы не принимаем во внимание систему стилей русского языка, поскольку речь идет исключительно о формах наиболее низкого, условно „разговорного” стиля. Для определения объема (интенсивности) выражения ненависти взята предлагаемая украинским центром „Сова” система классификации, определяющая мягкий, средний и жесткий *hate speech* (см. главу 2).

Дабы сузить рамки отбора материала, мы остановились на трех изданиях – „РИА Новости”, „Известия”, „Lenta.ru”, отобрали наиболее интересные комментарии к публикациям за октябрь – ноябрь 2024 года и распределили их по темам. Из соображений объема изложения каждая группа проиллюстрирована лишь ограниченным количеством примеров.

Все комментарии поданы в авторском написании. Не останавливаемся отдельно на нарушениях норм русского языка, таких как употребление заглавной или строчной буквы в написании стран („украина”, „Сша” и под.), орфографических или стилистических „ошибках” для создания имитации украинской речи, а также не учитываем другие орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки, присутствующие в комментариях.

Особо подчеркиваем важность цитирования отобранного материала, поскольку данный тип дискурса необходим для иллюстрации деградации языка, культуры, морали, мышления в современном российском обществе.

В результате обработки материала было выделено восемь тематических групп:

Украины как государства не существует. В рамках данного дискурса оспаривается способность Украины управлять своей территорией, акцент ставится на якобы традиционное вмешательство внешних сил в решения, принимаемые украинскими властями.

Примеры комментариев:

„Украина, как государственное образование, утратила самостоятельность давным-давно. Сейчас идет разговор только о том, как эта территория будет в дальнейшем называться и кто ее будет контролировать” („Lavrov nazval uslovie...”, электронный ресурс);

„Украина – это страна, пойманная в ловушку двух мифов, которые определяют её сущность: представление о полном военном превосходстве Запада; теория о России как о гиганте на глиняных ногах, который вот-вот рухнет под тяжестью войны” („Kiev zaâvil o soglasii...”, электронный ресурс);

„Зачем Украине территория, всё равно она дотационная и ненужная...” („Lavrov nazval uslovie...”, электронный ресурс);

„ну не умеют на Украине жить сами без покровителей и покровительниц... то Поляки, то царь России, то СССР, и вот казалось бы Незалежалость постучала в форточку... и снова ищут кто бы их покрыл...¹ НАТА, ЕС...” („Kiev zaâvil o soglasii...”, электронный ресурс);

¹ Вульгарная форма.

„Это ещё одно доказательство, что так называемая Украина никакая не отдельная страна, а неотъемлемая часть России” („Medvedev nazval odnu...”, электронный ресурс);

„Стоит, только, американскому президенту щёлкнуть пальцами и от Зеленского и Украины останутся одни воспоминания” („Dâdâ, ne polučaetsâ...”, электронный ресурс).

В данном случае мы наблюдаем мягкое проявление языка вражды (утверждение о неполноценности социальной группы). Показательно, что в комментариях, отнесенных к данной группе, последовательно используется термин „территория”. В комментариях, в большинстве случаев, нет ненормативной лексики и грубых словесных форм.

Русскоязычное население Украины нуждаются в защите российской армии. Язык вражды в данном случае выражен, на первый взгляд, в более мягкой форме и касается мнимых недостатков украинского общества, якобы неспособного гарантировать права всем социальным категориям. Вместе с тем наблюдается прямое или завуалированное отрицание или количественное умаление наличия в Украине собственной идентичности, отличной от российской. Оба аспекта призваны разжечь негодование среднего российского потребителя.

Примеры комментариев:

„А кто будет заниматься русскими на Украине? Там их 60% населения...” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„А защищать русских на Украине, да и на Западе вообще, никто не осмеливается?” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„Осталось у России спросить, нужно ей такое покровительство. Как то те же страны не спешат оказать покровительство русским на Украине, а там оно нужнее” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„Отлично. А Россия тогда будет покровительницей всех русских и русскоязычных граждан Украины. Нас устраивает. И не обижайтесь потом” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„Даа, у украинцев, живущих в России, есть покровительница – УК РФ называется” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„А русским в Украине ктонибудь покровительствовать собирается? Или где?” („Kiev zaâvil o soglasii...”, электронный ресурс).

Украины (украинцев) не станет в обозримом будущем. Для данной группы примеров типичным является дискурс с позиции силы, соответственно *hate speech* не в жестком, а скорее, среднем его проявлении (например, оправдание случаев насилия). Вместе с тем для некоторых примеров

характерна особо невежливая форма – маркерами языка ненависти в данном случае могут стать следующие единицы: „каструлеголовые”², „сионобандеровцы”³.

Примеры комментариев:

„На так званную Украину работает вся Европа, США, Япония, Австралия. Но итог будет как в мае 1945 года” („Dâdâ, ne poliçaetsâ...”, электронный ресурс);

„Сама идея победить Россию в сухопутной войне это чистая психиатрия, но каструлеголовые повелись и решили повторить «подвиг» немцев. И цена этого идиотизма будет для фашистской Украины катастрофической” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс); „неудивительно, Россия стоит на 1 месте среди сильнейших стран мира...” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс);

„Россия ещё не начинала. Не нужно нас злить” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс);

„Нарышкин. ЦИТИРУЮ: ...Если бы по каким-то причинам Россия вынуждена была вести военные действия, отражать агрессию страны, сравнимой по своему потенциалу с Украиной, то я надеюсь, что все понимают, сколько бы дней этот конфликт продолжался – два, три, максимум четыре дня...”⁴ („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс);

„Ну вот и выход для сионобандеровцев нашёлся, теперь Украина будет в Канаде, а на окраине Руси их больше не будет, вплоть до Польши” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс).

Следует принять во внимание обоснованное научными исследованиями различие между *hate speech* и *impoliteness*, а также тот факт, что „*hateful, unlike impolite, has a particular association with prejudice and/or antagonism towards other people on the basis of their group membership*” (Culpeper 10). Однако в особо усугубленных формах невежливая коннотация и язык ненависти могут совпадать, как это подтверждают приведенные примеры.

Отметим также, что сама тематика комментариев, включенных в данную группу, обуславливает частое использование будущего времени – ведь речь идет о якобы обозримом будущем.

² Термин относится к эпохе Оранжевой революции (2004), когда демонстранты для защиты от контузии вынуждены были защищать голову посудой.

³ Оскорбительное обращение к украинским националистам еврейского происхождения.

⁴ В данном случае важен факт репродукции призыва к насилию со стороны российского политика.

Положительная реакция на уничтожение гражданского населения в Украине, дегуманизация жертв. Данная группа содержит наиболее яркие примеры жесткого проявления языка ненависти, в которых присутствуют завуалированные призывы к насилию, оправдание насилия, дегуманизация всего национального контекста.

Примеры комментариев:

„Как метко падают обломки дронов))))”⁵ („V Kieve ènergetiki...”, электронный ресурс);

„Вот это точность! Прямо по темечку. Ни одной лишней жертвы” („Na Ukraine nazvali...”, электронный ресурс);

„Хорошо что люди не пострадали” („Na Ukraine nazvali...”, электронный ресурс)⁶;

„Новость в ленту добра” („Na Ukraine nazvali...”, электронный ресурс);

„Но в многоэтажку то хоть попали? Иначе зачем вообще стрелять?”⁷ („Promah PVO ро...”, электронный ресурс);

„а полтавские укрожмуры знают об этом? их одноразово 760 рыл превратили в укрожмуры, всего то 1 искандером...” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс).

Маркер языка ненависти: „укрожмур”.

Дегуманизация гражданского населения Украины и их международных партнеров. Данная группа также включает элементы жесткого проявления *hate speech*.

Примеры комментариев:

„Потом этих детей не найдут. Пойдут на новые органы для евростаричков и их заокеанских коллег” („Žitel' Selidovo rasskazal...”, электронный ресурс);

„Американское издание «Army Times (Military)» хвалит Украину за то, что она стала поставщиком органов и биоресурсов, качество которых выше, чем в Афганистане и Ираке” („Dâdâ, ne poluçaetsâ...”, электронный ресурс);

„Скорее всего нужны для того, чтобы подросли и потом как пушечное мясо в СВУ...” („Žitel' Selidovo rasskazal...”, электронный ресурс);

„Покрывать будут три раза в день” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс)⁸;

⁵ В данном комментарии речь идёт о сбитых российских дронах, которые уничтожают инфраструктуру и мирное население украинских городов.

⁶ Следует отметить особую жестокость данного комментария, автор которого дегуманизирует жертв российской атаки.

⁷ Данный комментарий призывает к уничтожению мирных жителей.

⁸ Пример конструирования реальности, основанный на сексуальном насилии.

„Так они всех на убой погонят. На фронте пушечного мяса не хватает” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„Там воевать некому. Если фтолько трансвеститы-герантофилы Харисс с педо-зоофилами Трампа” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс).

Для данной группы характерны особо негуманные формы комментариев, призывающие к торговле органами, сексуальному насилию, массовому уничтожению.

Расизм по отношению к представителям других стран посредством украинского контекста.

Примеры комментариев:

„ЮАР, Катар или Ватикан?) ЮАР скорей всего, негры любят обезьян...” („Kiev zaâvil o soglasii...”, электронный ресурс);

„Жители Бурунди взволнованы ведь Украина готовится потеснить их страну с лидерской позиции!” („Dâdâ, ne polučaetsâ...”, электронный ресурс);

„Африканские племена изучают быт и нравы украинцев... как доисторическую эпоху” („Dâdâ, ne polučaetsâ...”, электронный ресурс);

„Даже президент Сомали заявил, что не позволит превратить его страну во вторую Украину” („Dâdâ, ne polučaetsâ...”, электронный ресурс);

„Жители центральных и восточных регионов Африки просят их не сопоставлять с украинцами, что случилось?” („Dâdâ, ne polučaetsâ...”, электронный ресурс).

Характерно, что данные комментарии касаются представителей стран не просто наименее благополучных с социально-экономической точки зрения, но и относящихся к определенным регионам, чьи жители имеют отличные от российского общества культурные и физиологические характеристики. Маркер „негры” дополнительно иллюстрирует жесткую форму языка вражды, касающуюся дискриминации по расовому признаку. Необходимо уточнить, что к подлежащим защите характеристикам, то есть к так называемым „неприкосновенным составляющим личности”⁹, относится именно расовая принадлежность.

Обвинение украинских военных в якобы преступной деятельности. Широко используется сравнение украинских войск с военными силами нацистской Германии. В данных примерах присутствуют призывы к наси-

⁹ „The protected characteristics are age, disability, gender reassignment, marriage and civil partnership, pregnancy and maternity, race, religion and belief, sex, and sexual orientation” (ср. *Protected characteristic*, электронный ресурс).

лию и оправдание насилия, что позволяет отнести комментарии к средней и жесткой формам языка ненависти.

Примеры комментариев:

„Укрозольдатен без разницы кого убивать и грабить, хоть свои, хоть чужие лишь бы грохнуть и ограбить” („Plennyj ukrainskij soldat...”, электронный ресурс);

„Нам для пленных надсмотрщики с кнутом нужны, а не «покровители». Эти пленные свой выбор сделали, взяв оружие и напав на Россию” („Kiev soobšil o želanii...”, электронный ресурс);

„Хорошее название для офицеров нацбата. А-ха-ха-ха!! В переводе «Жуть». Вот жуткую смерть и приняли. Лютую...” („Podpol'e soobšilo ob...”, электронный ресурс);

„Тююю, ТЦК¹⁰ еще наловят, вукре инвалидов и сумасшедших на две войны вперед припасено” („Podpol'e soobšilo ob...”, электронный ресурс).

Маркер языка ненависти: „укрозольдатен”.

Обвинение Президента Украины в якобы обогащении за счет войны. Неуважение к главе государства как к официальному представителю всех украинцев. Присутствуют примеры среднего и жесткого проявления языка вражды – призывы к насилию, оправдание насилия.

Примеры комментариев:

„зеленый говноглавнокомандующий, положил за пару понюшек кокса 30 000 панасюков¹¹ под Курском... и 2 млн хохляков безвозвратно сгновлены и гниют в компостной яме по прихоти зеленого упырька...” („Glavkom VSU zaâvil...”, электронный ресурс);

„Верхушка так званной Украины, после окончания СВО покинет страну с набитыми карманами. Так выходит что люди гибнут за них? Хотя по хорошему Зеленский должен предстать перед военным трибуналом” („Dâdâ, ne poluĉaetsâ...”, электронный ресурс);

„Не правда! У Зелинского получается хорошо сокращать население не только Украины, но и других стран откуда едут наёмники. Вот она цена соглашений с ЕС! Их генеральная линия не меняется с 1991 года. Все правосеки¹² за ЕС и НАТО” („Dâdâ, ne poluĉaetsâ...”, электронный ресурс);

„почему зеленого постоянно называют здесь президентом?” („Dâdâ, ne poluĉaetsâ...”, электронный ресурс);

¹⁰ Территориальный центр комплектования.

¹¹ Уничижительное обозначение украинцев, от украинской фамилии Панасюк.

¹² Члены украинской праворадикальной организации „Правый сектор”.

„Где народ записывается на исполнение казни правителей Украины? И на какой день ещё можно записаться?“ („Kiev zaâvil o soglasii...“, электронный ресурс).

Маркер языка ненависти: „правосек“, „панасюк“, „хохляк“.

Кроме приведенных выше категорий, присутствуют также обобщенные формы выражения ненависти, одиозные изречения в адрес украинцев, их культуры: „Жители Окраины, пошли бы вы на хутор!“ („Kiev soobâil o âelanii...“, электронный ресурс); „Что за клички у бандеровцефф... кулеба, да сибига. Нет уже нормальных кличек? Например, лопата, борщ, муха-пепец, рябоконь¹³ („Kiev zaâvil o soglasii...“, электронный ресурс) и т. п. Эти и другие примеры данного типа дискурса нацелены на унижение достоинства определенной социальной группы и ее отдельных представителей, что и входит в основную задачу тех, кто использует *hate speech* (Waldron 5).

Заключение

Украинский исследователь Володимир Огрызко в книге *Poznad Rosii* рассуждает о злодеяниях россиян, ссылаясь при этом на слова Максима Горького, который писал о крайней, „испытывающей пределы человеческого терпения к боли“ жестокости своих соотечественников: о том, что в „русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, есть нечто тонкое, изысканное“. Наиболее важным является именно то, что речь шла не о жестокости отдельно взятого человека, а о коллективной черте, которую Горький описывает как „коллективные забавы муками человека“ (Ohrzyko 80). В свете данных утверждений воспринимаем уже факты преступлений россиян, описанные в международных документах: „[...] the Russian armed forces and their proxies have committed summary executions, abductions, sexual violence, torture and other atrocities in newly and previously occupied territories of Ukraine“ („European Parliament resolution...“, электронный ресурс). Шокирует не только форма, но и масштабность, массовость данного явления, что находит свое отражение в русском языке. Но прежде всего объясняется преступной политикой российского правительства.

Наличие языка ненависти в форме „hot“ *hate speech* было характерно для государственной российской пропаганды в момент начальной фазы войны, когда были оккупированы Крым и отдельные районы Донецкой и Луганской областей. Сегодня, в ходе полномасштабной военной агрессии, государство-оккупант говорит с позиции силы, используя „cold“ *hate speech*. Это

¹³ В данном комментарии автор одиозно высказывается в адрес украинских фамилий.

подкрепляется тем, что в западной прессе представлены довольно разнообразные описания военных действий, что дает основания российской пропаганде представлять события положительным образом. Сознательное и планомерное уничтожение украинского населения, его языка и культуры, является не только обобщенной (и вполне реальной) чертой российского захватчика, но последствием дегуманизации украинцев, которая была проведена в основном через подконтрольные властям средства массовой информации. Отсутствие „горячих” форм *hate speech* в официальных российских СМИ сосуществует с brutальными формами языка ненависти, которые с первых дней полномасштабного вторжения присутствуют в языке российских пропагандистов (Mamedov, электронный ресурс).

В то же время основные положения пропаганды представлены, в усиленном и наиболее изощренном проявлении, в комментариях читателей интернет-изданий. При анализе отобранного нами, количественно ограниченного материала было выявлено восемь тематических подкатегорий *hate speech*. К более мягким проявлениям ненависти относятся комментарии о якобы несостоятельности украинской государственности, о перспективах ее якобы исчезновения, а также о мнимом количественном и культурном доминировании русскоязычного населения в Украине. Обвинения в адрес президента Украины и украинских вооруженных сил отличаются средним или жестким проявлением языка ненависти. Наиболее грубые формы данного дискурса касаются дегуманизации украинского населения и жертв среди него, дискредитации партнеров Украины и нетоллерантности по отношению к представителям других стран. Отдельно стоит отметить многочисленные примеры выражения расовой нетерпимости. Выявлена специфическая лексика *hate speech*, которая может пополнить специальные лексиконы по определению данного типа дискурса в интернет-сети. Дальнейшая, более углубленная и методологически обоснованная разработка данной темы непременно необходима для выявления языка вражды в мировом виртуальном пространстве.

References

Могографии, статьи, документы

- Beck, Aaron T., James Pretzer. „Cognitive Perspective on Hate and Violence”. *The psychology of hate*. Ed. Robert J. Sternberg. Washington DC, American Psychological Association, 2005, s. 67–85.
- Culpeper, Jonathan. „Impoliteness and hate speech: Compare and contrast”. *Journal of Pragmatics*, 179, 2021, s. 4–11.
- Denisova, Alina. „Âзык vraždy: nekotorye osobennosti sudebnyh lingvističeskikh êkspertiz”. *Izvestiâ rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 7, 2008, s. 54–58.

- Di Pasquale, Massimiliano, Luigi Sergio Germani. *Dezinformacija e misure attive: le narrazioni strategiche filo-Cremlino in Italia sulla guerra in Ucraina. Research paper*. Roma, Istituto Gino Germani di Scienze Sociali e Studi Strategici, 2023.
- „European Parliament resolution on recognising the Russian Federation as a state sponsor of terrorism (2022-2896(RSP)”. *European Parliament*. Web. 21.11.2022. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2022-0482_EN.html.
- Evstaf'eva, Anna. *Ázyk vraždy v sredstvah massovoj informacii: lingvističeskie i èkstralingvističeskie faktory funkcionirovaniâ*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni kandidata filologičeskikh nauk. Tambovskij gosudarstvennyj universitet, Tambov, 2009.
- Gasparân, Armen. *DenNACIfikaciâ Ukraïny: strana nevyučennyh urokov*. Sankt-Peterburg, Piter, 2018.
- Gregor, A. James. „Fascism and the New Russian Nationalism”. *Communist and Post-Communist Studies*, 1, 31, 1998, s. 1–15.
- Horbačova, Ol'ha. „Mova vorožneči: ksenofobiâ čy bezladnist'?”. *Pravyj èkstrezmizm ì tolerantnist'': z Dosvidu Ukraïny ta Nimeččyny*. Kyiv, Zapovit, 2008, s. 36–42.
- Huš, Ūliâ. „Vid navishuvannâ ârlykiv do zaklykiv do henocydu: Čym nebezpečna mova vorožneči ta pryčomu tut rosijs'ki propahandysty”. *Èvro Harkiv*. Web. 08.07.2023. <https://euro.kharkiv.ua/vid-navishuvannya-yarlykiv-do-zaklykiv-do-genocydu-chym-nebezpečna-mova-vorozhnechi-ta-prychomu-tut-rosijski-propagandysty/>.
- Karaičev, Dmitrij. *Formirovanie v rossijskoj naučnoj istoriografii ūrudičeskoj koncepcii ob antikontitucionnom haraktere peredači Krymskoj oblasti v 1954 g. iz sostava RSFSR v sostav Ukraïnskoj SSR*. Moskva, KnigIydat, 2019.
- Korobkova, Ol'ga. „Markery âzyka vraždy v nominaciâh ètničeskoj prinadležnosti: sociolingvističeskij aspekt”. *Izvestiâ Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 111, 2009, s. 200–204.
- MacFarquhar, Neil, Milana Mazaeva. „In Russian Schools, It's Recite Your ABC's and «Love Your Army»”. *The New York Times*, 03.06.2023. Web. 10.03.2025. <https://www.nytimes.com/2023/06/03/world/europe/russia-schools-military-war.html>.
- Mamedov, Günduz. „Zaklyky do henocydu: âke pokarannâ čekaê na kremlivs'kyh propahandystiv'?”, *Radio Svoboda*, 14.03.2022. Web. 10.03.2025. <https://www.radiosvoboda.org/a/zlochyny-rosijski-propahandysty-henotsyd/31752518.html>.
- Masiênko, Ūliâ et al. „Rosijs'kyj prapor bude tam, de ê rosijs'ka mova: Fond «Russkij mir». Doslidžennâ”. *Ukraïns'kyj instytut*, 2022. Web. 10.03.2025. <https://ui.org.ua/sectors/russkiy-mir-foundation/>.
- Mendel, Toby. „Hate speech rules under international law”. *Centre for Law and Democracy*. 2010. Web. 19.03.2025. <https://teaching.globalfreedomofexpression.columbia.edu/resources/hate-speech-rules-under-international-law>.
- Ohryzko, Volodymyr. *Rozpad Rosii: zahroza čy šans?*. Kyiv, DP GDIP, 2021. *Protected characteristic*. Web. 02.11.2024. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/protected-characteristic>.
- „Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to Member States on «Hate Speech»”. *Council of Europe*. Web. 19.03.2025. <https://rm.coe.int/1680505d5b>.
- Valenti, Stefano. „Hate Speech in the Context of Armed Conflicts”. *Human Rights Center Antonio Papisca*, 12.02.2024. Web. 10.03.2025. <https://unipd-centrodirittiumani.it/en/schede/Hate-Speech-in-the-Context-of-Armed-Conflicts/519>.
- Waldron, Jeremy. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 2012.

Интернет-ресурсы

Hatebase. Web. <https://hatebase.org/>.

Sova. Web. <http://xeno.sova-center.ru/>.

Проанализированные материалы

- „Bananovyj «Hohol»: rossijskaâ fabrika moroženogo vypustila novyj desert”. *Fond Gosudarstvennogo imušestva. Gosudarstvennoe kazennoe učreždenie Sevastopolâ*. Web. 19.03.2025. <http://gkufond.ru/bananovyiy-hohol-rossiyskaya-fabrika-morozhennogo-vyipustila-novyiy-desert/>.
- Berec, Andrej, Andrej Krasnobaev. „Samaâ sil'naâ armiâ v mire?: zapadnoe SMI postavilo VS RF na pervoe mesto rejtinga”. *Izvestiâ*, 29.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://newizv.ru/news/2024-10-29/samaya-silnaya-armiya-v-mire-zapadnoe-smi-postavilo-vs-rf-na-pervoe-mesto-rejtinga-434063>.
- „Čelovek s ruž'em: Kak povysitsâ pensiâ kadrovym voennym i čto ždat' mobilizovannym”. *Izvestiâ*, 31.10.2024. <https://newizv.ru/news/2024-10-31/chelovek-s-ruzhem-kak-povysitsya-pensiya-kadrovym-voennym-i-čto-zhdet-mobilizovannym-434110>.
- „«Dâdâ, ne polučaetsâ ničego u tebâ». Ukrainskij deputat obratilsâ k Zelenskomu posle ego slov ob okončanii konflikta”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/dyadya-ne-poluchaetsya-nichego-seychas-u-tebya-deputat-rady-obratilsya-k-zelenskomu-posle-ego-slov-ob-okončanii-konflikta/>.
- „Glavkom VSU zaâvil o samom mošnom nastuplenii Rossijskoj armii”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/news/2024/11/02/glavkom-vsuzayavil-o-samom-moschnom-nastuplenii-rossiyskoj-armii/>.
- „Kiev soobšil o želanii treh stran stat' pokrovitel'nicami ukraincev v Rossii”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2024. <https://lenta.ru/news/2024/11/02/kyev-soobščil-o-želanii-treh-stran-stat-pokrovitelnicami-ukraincev-v-rossii/>.
- „Kiev zaâvil o soglasii odnoj strany stat' pokrovitel'nicej ukraincev v Rossii. Čto èto značit i kak rabotaet”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/kyev-zayavil-o-soglasii-odnoj-strany-stat-pokrovitelnitsey-ukraincev-v-rossii-čto-eto-znachit-i-kak-rabotaet/>.
- Kumanev, Aleksandr. „Komp'ûternaâ igra po motivam SVO vyjdet v Rossii: proekt odobrili v Minoborony”. *Izvestiâ*, 06.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://newizv.ru/news/2024-10-06/kompyuternaya-igra-po-motivam-svo-vyydet-v-rossii-proekt-odobrili-v-minoborony-433606>.
- „Lavrov nazval uslovie umenšeniâ territorii Ukrainy”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/lavrov-nazval-uslovie-umensheniya-territorii-ukrainy/>.
- „Medvedev nazval odnu iz glavnyh zadač vlastej Ukrainy”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/medvedev-nazval-odnu-iz-glavnyh-zadach-vlastey-ukrainy/>.
- „Na Ukraine nazvali čislo postradavših pri udare po zdaniû policii v Har'kove”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/na-ukraine-nazvali-čislo-postradavših-pri-udare-po-zdaniyu-politsii-v-harkove/>.
- „Nad Lipeckom sbili četyre bespilotnika”. *Izvestiâ*, 26.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://newizv.ru/news/2024-10-26/nad-lipetskom-sbili-četyre-bespilotnika-434026>.

- „Plennyj ukrainskij soldat rasskazal o prikazah komandovaniâ VSU uničtožat' graždanskih”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/plennyj-ukrainskiy-soldat-rasskazal-o-prikazah-komandovaniya-vs-u-unichtozhat-grazhdanskih/>.
- „Podpol'e soobšilo ob udare po oficeram Nacbata MVD Ukrainy Lût' v Har'kove”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/news/2024/11/02/podpolie-soobščilo-ob-udare-po-ofitseram-natsbata-mvd-ukrainy-lyut/>.
- „Promah PVO po rossijskomu BPLA v Kieve popal na video”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/promah-pvo-po-rossijskomu-bpla-v-kieve-popal-na-video/>.
- „Ramštajn bez SŠA: Zelenskogo postavili na pauzu”. *Izvestiâ*, 09.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://newizv.ru/news/2024-10-09/ramshtajn-bez-sšha-zelenskogo-postavili-na-pauzu-433655>.
- „SMI rasskazali, čto proizošlo s voennoj tehnikoj Zapada na Ukraine”. *RIA Novosti*, 29.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://ria.ru/20241029/forbes-1980657671.html>.
- „SVO protiv VPK: počemu regiony s sil'noj oboronkoj podnimaût vyplaty kontraktникам”. *Izvestiâ*, 01.10.2024. <https://newizv.ru/news/2024-10-01/svo-protiv-vpk-pochemu-regiony-s-silnoy-oboronkoy-podnimayut-vyplaty-kontraktникам-433512>.
- „V Kieve ènergetiki stali vozvrašat' èlektričestvo v doma žitelej posle ataki dronov”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/v-kieve-energetiki-stali-vozvršchat-električestvo-v-doma-zhiteley-posle-ataki-dronov/>.
- „V Rade rezko vyskazalis' o Zelenskom posle ego ugrozy v adres genseka OON”. *RIA Novosti*, 29.10.2024. Web. 10.03.2025. <https://ria.ru/20241029/zelenskiy-1980642801.html>.
- „Žitel' Selidovo rasskazal ob èvakuacii VSU detej pod dulom avtomatov”. *Lenta.ru*, 02.11.2024. Web. 10.03.2025. <https://lenta.ru/comments/news/2024/11/02/zhitel-selidovo-rasskazal-ob-evakuatsii-vs-u-detey-pod-dulom-avtomatov/>.

